

A romantic couple embracing on a ship's deck at night. The man, with long blonde hair, is wearing a dark t-shirt and has his arms around the woman. The woman, with long dark hair, is wearing a blue, backless dress. They are standing on a wooden deck with a metal railing. In the background, the dark sea is visible under a starry night sky with the Milky Way. The ship's interior lights are visible on the right side.

БАРМЕН

СЕСЕЛИЯ СУАРЕЗ

18+

Сесилия Суарез

Бармен

<https://litres.ru/73916876>

SelfPub; 2026

Аннотация

Его ладони легли на её плечи и медленно, очень медленно заскользили вниз, по рукам, до локтей, до запястий.

Он развернул её к себе — мягко, но без колебаний. Теперь она стояла лицом к нему, зажатая между поручнем и его телом. Его глаза в свете звёзд казались чёрными. Зрачки расширились, поглотив синеву, и в них отражалось небо.

— Правила игры изменились, — сказал он.

— Какие правила?

— Ты выбрала кавалера. — Он взял её лицо в ладони — большие пальцы легли на скулы, остальные скользнули по коже.

— Ты его выбрала в ту секунду, когда подошла к бару.

— Ты сказал, что вне конкурса.

— Я соврал.

И он поцеловал её.

Я думала, что развлекаюсь в кризисе с простым барменом. А проснулась в постели миллиардера, который теперь указывает мне, как работать. И как жить.

Содержание

Глава 1. Плотность кирпича	4
Глава 2. Территориальные воды	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Сесилия Суарез

Бармен

Глава 1. Плотность кирпича

Яна застряла.

Не в пробке, не в очереди на паспортный контроль и даже не в лифте — хотя всё это случилось с ней за последние три часа. Она застряла посреди круизного лайнера *Mirabella*, в баре на верхней палубе, в платье, которое обещало вечер, полный возможностей, а вместо этого подсунуло ей меню коктейлей и бармена, который, кажется, возомнил себя ведущим реалити-шоу «Давай найдём тебе мужика».

Бармен был красив. Это Яна поняла сразу, едва опустилась на высокий табурет и сбросила босоножки, которые за пять часов путешествия превратились в орудие пытки. Красив до той степени, когда хочется попросить у вселенной объяснительную записку: вот это — бармен? Серьёзно? С такими скулами, с таким разворотом плеч под поло и с такими руками — жилистыми, с длинными пальцами, которые сейчас лениво протирали бокал, — он должен был бы красоваться на носу яхты в рекламе парфюма, а не смешивать «Мохито» для пассажиров.

Светлые волосы до плеч, которые он то и дело откиды-

вал с лица быстрым, почти звериным движением. Глаза — тёмно-синие, как вода за бортом в полночь, с тяжёлыми веками, придававшими ему вид человека, который только что проснулся и уже успел во всём разочароваться. Он двигался за стойкой с ленивой грацией большого кота, и когда его взгляд скользнул по Яне — по её растрепавшимся тёмным волосам, по открытым плечам, по пальцам, которые нервно крутили ножку пустого бокала, — уголок его губ дрогнул.

Вот так всё и началось.

— Одиноко? — спросил он, и голос у него оказался низкий, глубокий, какой бывает у людей, которые слишком редко разговаривают с теми, кто им интересен.

— С чего вы взяли?

— Ты пялишься на мои руки уже минуту. Либо ты оцениваешь качество мойки бокалов, либо думаешь, не заговорить ли со мной. Подсказываю: я уже заговорил.

Яна моргнула. Потом усмехнулась — коротко, оценивающе. Дерзость она уважала. Особенно когда та была упакована в такую обёртку.

— Вообще-то я думала, что в меню, — она кивнула на карту коктейлей.

— Оно перед тобой лежит уже семь минут. Ты в него даже не заглянула. — Он опёрся ладонями о стойку, и ткань его футболки натянулась на бицепсах. — Давай так: я налью тебе что-нибудь, а ты перестанешь делать вид, что пришла сюда ради «Мохито». Договорились?

— А вы всегда такой наглый?

— Только с теми, кто мне нравится.

Она должна была возмутиться. Вместо этого Яна почувствовала, как в груди разливается тепло — то ли от его тона, то ли от того, как он смотрел: прямо, не мигая, с лёгким прищуром, словно прицеливался.

— Налейте мне «Апероль Шприц», — сказала она. — И, может быть, я перестану.

Он улыбнулся — впервые по-настоящему, и улыбка эта оказалась опасной: мальчишеской и одновременно взрослой, той, от которой в животе что-то сжимается в предвкушении.

— Меня зовут Андрей, — сказал он, поворачиваясь к бутылкам. — И у меня есть предложение.

Яна проследила за тем, как он наливает просекко, как добавляет апероль, как аккуратно, почти нежно, опускает в бокал дольку апельсина. Всё это он проделывал с той же хищной точностью, с какой до этого протирает стекло.

— Какое?

— Игра. — Он пододвинул к ней бокал. — Ты на корабле на пять дней. Мужчина у тебя, как я понимаю, отсутствует — хотя бы потому, что ты сидишь здесь одна и строишь мне глазки.

— Я не строю.

— Строишь. И я не жалуясь, — он снова опёрся на стойку, на этот раз ближе. Теперь она чувствовала запах — не одеколona, нет, что-то чистое, морское, с примесью цитруса

и соли. — Я предлагаю выбрать тебе кавалера на пять дней. Прямо сейчас. Из присутствующих.

— Вы серьёзно?

— Абсолютно. Я хорошо знаю этот маршрут и этот корабль. Могу дать рекомендации. — В его глазах заплясали бесы. — И, как честный бармен, обещаю: ни один из моих кандидатов не будет мной.

— Почему?

— Потому что я вне конкурса. Я в жюри.

Яна отпила коктейль — горьковатый, прохладный, идеальный — и посмотрела на него поверх бокала. Он не шутил. Он действительно предлагал ей игру. И что-то в том, как он стоял — уверенно, чуть насмешливо, словно весь этот корабль был его личной сценой, заставляло её хотеть подыграть.

— Хорошо, — сказала она, ставя бокал на стойку. — Давай сыграем, Андрей-бармен. Показывай кандидатов.

На первого он указал лёгким кивком.

— Вон там. У бассейна.

Яна повернулась. У шезлонгов, в опасной близости к воде, стоял мужчина. Вернее, стояла гора мышц, зачем-то упакованная в плавки размера «я не знаю слова «скромность»». Он был накачан до той степени, когда шея исчезает как биологический вид, а руки не могут опуститься вдоль тела — только чуть в стороны, как у человека, который несёт две невидимые баклашки воды.

— Это не мужчина, — прокомментировала Яна. — Это анатомический атлас. Страница «гипертрофия».

Андрей хмыкнул.

— Между прочим, он уже двадцать минут красуется перед теми девушками. Видишь? Вон там, с коктейлями. Он напрягает пресс каждый раз, когда одна из них смотрит в его сторону. У него скоро судорога случится.

— Бедный. Может, ему тоже «Апероль»?

— Ему нужен не апероль, ему нужен ортопед. — Андрей наклонился к ней чуть ближе и понизил голос до заговорщического шёпота: — Кстати, он уже дважды пытался заказать протеиновый коктейль. У нас нет протеинового коктейля. Он был очень расстроен. В меню теперь, наверное, появится.

Яна фыркнула в бокал.

— Нет. Дальше.

— Дальше, — Андрей перевёл взгляд в глубину зала. — Вон тот. У окна. С тарелкой.

Она посмотрела. За столиком у панорамного окна сидел мужчина внушительных размеров. Перед ним стояла тарелка с пельменями. Рядом — ещё одна, уже пустая. И ещё одна. На её глазах он методично, не отвлекаясь ни на что, отправил в рот пельмень, прожевал, запил пивом и потянулся за следующим. Его лицо выражало глубокое, почти философское удовлетворение.

— Это его пятая порция, — сообщил Андрей. — Я считал.

— Он ест пельмени в круизе? В ресторане со шведским столом?

— Он знает, чего хочет. Это подкупает.

— Это пугает. — Яна покачала головой. — Нет. Я не готова конкурировать с пельменями. И проигрывать.

— Понимаю.

— Дальше.

Третьего кандидата она увидела сама. Он показался ей почти нормальным. Парень лет двадцати, в футболке и джинсах, с милыми торчащими в разные стороны волосами. Он стоял у барной стойки чуть поодаль и что-то высматривал в телефоне. Простой, даже уютный. Именно то, чего Яне хотелось после разрыва с бывшим — никакой драмы, никаких игр, просто обычный парень.

— Вот, — сказала она, уже начиная привставать. — Этот. Обычный. То, что надо.

Андрей положил ладонь на её руку.

Ладонь оказалась тёплой и большой. От этого прикосновения по коже побежали мурашки, и Яна замерла, глядя не на парня, а на его пальцы — длинные, с чёткими костяшками, которые сомкнулись вокруг её запястья с лёгкой, почти небрежной уверенностью.

— Подожди, — тихо сказал он и кивнул в зал.

К обычному парню подошла женщина. Лет пятидесяти

пяти, в элегантном шёлковом платье, с высокой причёской. Она положила руку ему на плечо, и парень обернулся, расплываясь в улыбке.

— С мамой в круиз, — вздохнула Яна. — Очень мило. Я, конечно, не против семейных ценностей, но...

Она не договорила. Потому что в следующий момент «мама» обхватила парня за шею и поцеловала его в губы. Долго. Очень долго. С чувством. Так, что у Яны дёрнулся глаз.

— Ой, — сказала Яна.

Андрей мягко убрал руку. В его глазах плясал откровенный смех.

— Не мама, — прокомментировал он.

— Я вижу.

— Совсем не мама.

— Я оценила.

— Нужно было видеть твоё лицо.

Забираясь обратно на барный стул, она закрыла глаза и медленно, очень медленно выдохнула.

— Андрей, — сказала она, — налейте мне чего покрепче.

— За счёт заведения, — торжественно объявил он.

— Алкогольное.

— Само собой.

— Очень алкогольное.

Он подвинул к ней рюмку с текилой. Яна опрокинула её в себя, не глядя, зажмурилась от обжигающей волны, прокатившейся по горлу, и только потом открыла глаза. Андрей

смотрел на неё с нескрываемым любопытством.

— Есть четвёртый, — сказал он.

— Давай угадаю. Он женат на своем грузовике?

— Почти.

Он указал в угол бара, где в одиночестве сидел respectable мужчина лет пятидесяти. На запястье поблёскивали золотые часы — не кричащие, не размером с будильник, а строгие, швейцарские, с кожаным ремешком. Перед ним стоял стакан виски — янтарный, тяжёлый, с одним кубиком льда. В руках он держал газету. Настоящую, бумажную. Развернул, встряхнул, перевернул страницу с лёгким шелестом.

— Газета, — выдохнула Яна с почтительным ужасом. — В круизе. В двадцать первом веке. Он что, из музея сбежал?

— Из бизнес-класса, — поправил Андрей, и в его голосе прозвучало что-то похожее на профессиональное уважение. — Это Валентин Петрович. Регулярный пассажир. Берёт люкс, пьёт виски, читает «Коммерсантъ». Чаевые оставляет такие, что официанты к нему в очередь выстраиваются.

— Богатый?

— Очень.

— И один?

— Всегда один. — Андрей оперся о стойку, и его голос понизился до заговорщического шёпота. — Говорят, он владелец заводов. Каких-то промышленных. Но ты посмотри на него. Солидный. Уверенный. Часы настоящие. Газета бумажная. Это, знаешь ли, уровень.

— Ты меня сватаешь за бумажную газету?

— Я тебя сватаю за мужчину, который знает, чего хочет.

И, судя по всему, хочет он виски и тишины. А ты, — он поставил перед ней еще стопку текилы, — можешь это изменить.

Яна посмотрела на текилу. Потом на Андрея. Потом на Валентина Петровича, который как раз перевернул страницу и сделал крошечный глоток виски — с таким видом, будто пробовал вечность на вкус.

— Иди. Засаекаю время.

— Ты думаешь, я не справлюсь?

— Я думаю, ты вернёшься через пятнадцать минут. Максимум — двадцать.

— Идёт. — Яна опрокинула в себя текилу, выдохнула и соскользнула с табурета. Платье скользнуло по бёдрам, и она заметила, как взгляд Андрея на долю секунды задержался на изгибе её талии. — Что? — спросила она, оборачиваясь.

— Ничего. — Он уже снова протирает бокал, но уголок его губ подрагивал. — Иди. Не заставляй мужчину ждать.

Валентин Петрович оказался именно таким, каким она его представляла: пах дорогим одеколоном, табаком и немного — старой бумагой. У него были ухоженные руки с аккуратным маникюром, седоватые виски и глаза цвета выдержанного коньяка. Когда Яна подошла к его столику, он отложил газету, поправил галстук и привстал — настоящий джентльмен старой закалки.

— Добрый вечер, — сказала Яна, надевая самую обаятельную из своих улыбок. — Вы не против, если я составлю вам компанию? Там, у бара, слишком шумно, а вы выглядите как человек, который знает толк в тишине.

— Присаживайтесь, — он указал на стул напротив, и его голос оказался низким, с приятной хрипотцой. — Валентин Петрович.

— Яна. — Она села, поправила волосы и сделала глоток из своего бокала, глядя на него поверх стекла. — Прекрасный вечер, не правда ли? Море, звёзды...

— И кирпичи, — добавил Валентин Петрович.

Яна моргнула.

— Простите?

— Кирпичи. — Он откинулся на спинку стула, и его лицо осветилось тем особенным внутренним светом, какой бывает у людей, когда они собираются говорить о деле всей своей жизни. — Вы знаете, Яна, что такое настоящий кирпич?

— Э-э... строительный материал?

— Это искусство. — Он поднял указательный палец. — Это баланс глины, воды и огня. Тысячи лет человеческой истории — и всё начинается с кирпича. Вы когда-нибудь задумывались, из чего построен Колизей? Из кирпича. Великая Китайская стена? Кирпич.

— Я думала, она из камня...

— Камень — это внешний слой! — он даже привстал от возбуждения. — А внутри — кирпич. Римский. Обожжённый.

ный при температуре тысяча двести градусов. Вы знаете, какая плотность у римского кирпича?

— Нет, — честно ответила Яна, начиная понимать, во что она ввязалась.

— От тысячи восьмисот до двух тысяч килограммов на кубический метр! — Он произнёс это так, словно объявлял выигрышный номер лотереи. — А современный керамический кирпич? Тысяча шестьсот — тысяча девятьсот. Но я делаю тысяча девятьсот пятьдесят. Вы понимаете, что это значит?

— Что ваш кирпич... тяжелее?

— Плотнее! — Он хлопнул ладонью по столу так, что бокалы звякнули. — Плотнее, Яна! А плотность — это всё. Это морозостойкость. Это водопоглощение. Это долговечность. Мой кирпич выдерживает двести пятьдесят циклов заморозки. Двести пятьдесят! Обычный — сто. Вы представляете себе разницу?

— Представляю, — слабо сказала Яна.

— Нет, не представляете! — Он подался вперёд, и его глаза горели. — Это значит, что здание, построенное из моего кирпича, простоит на сто лет дольше. Сто лет, Яна! Наши правнуки будут ходить по этим стенам!

— Это... впечатляет.

— И я не говорю уже о теплопроводности. — Он набрал воздуха, явно готовясь к следующему раунду.

В этот момент, как ангел-спаситель, к столику подошёл официант. Молодой парень с подносом, на котором стоял высокий бокал с чем-то ярко-оранжевым, украшенный долькой апельсина и веточкой мяты.

— Ваш коктейль, — сказал он, ставя бокал перед Яной.

Яна замерла. Потом медленно перевела взгляд на барную стойку. Андрей стоял, опираясь о стойку, и смотрел на неё. Даже с этого расстояния она видела его улыбку — ту самую, нахальную, от которой у неё внутри всё переворачивалось. Он поднял пустой бокал в безмолвном тосте.

— Спасибо, — выдохнула Яна, беря коктейль.

— Кхм, о чём я говорил? — спросил Валентин Петрович.

— О кирпичах, — сказала Яна и сделала большой глоток. Коктейль оказался холодным, цитрусовым, с какой-то сложной травяной ноткой — идеальный. — Так вы говорили о теплопроводности?

— Да! — Он просиял. — Теплопроводность керамического кирпича составляет ноль целых пять десятых ватта на метр-Кельвин. Вы знаете, что это значит?

— Нет. Но я очень хочу узнать.

И она узнала. Она узнала про теплопроводность, про водопоглощение, про морозостойкость, про то, что его кирпич прошёл испытание в НИИ Строительной Керамики и получил сертификат соответствия европейским стандартам. Она узнала про шамотный кирпич, про клинкерный, про силикатный — и про то, что силикатный Валентин Петрович пре-

зирал. «Это не кирпич, — говорил он с горечью. — Это пресованный песок. Ни души, ни плотности».

К концу часа Яна знала о кирпичах больше, чем о собственной профессии. Она сидела, подперев щеку ладонью, и кивала в такт его словам, а в голове крутилась одна мысль. «Пятнадцать минут? Ха. Я продержалась уже сорок. Сорок минут про кирпичи. Я должна получить за это медаль».

— ...и вот, когда мы запустили новую линию обжига, — продолжал Валентин Петрович, — я лично стоял у печи. Лично! Понимаете? Я не доверяю это никому. Температура должна быть ровной, как...

— Как плотность кирпича? — подсказала Яна.

— Именно! — он был в восторге. — Вы схватываете на лету!

Официант появился снова — как по волшебству. На этот раз он поставил перед Яной ещё один коктейль — зелёный, с огурцом и лаймом.

Яна фыркнула в бокал. Валентин Петрович, не заметив, уже рассказывал про клинкерный кирпич и про то, как он ездил на завод в Германию, чтобы лично посмотреть на их печи.

— И знаете, что я вам скажу? — Он понизил голос. — Немцы делают хороший кирпич. Но наш — лучше. У нас глина. У нас традиция. У нас...

— Плотность тысяча девятьсот пятьдесят? — подсказала Яна.

— Тысяча девятьсот пятьдесят! — Он чуть не прослезился. — Вы запомнили!

Через час и два коктейля Яна, наконец, поднялась. Валентин Петрович, кажется, только разогрелся, но ей уже казалось, что она сама превратилась в кирпич — обожжённый, плотный и бесконечно уставший.

— Спасибо за компанию, Яна, — сказал он, целуя ей руку на прощанье. — Если вам когда-нибудь понадобится кирпич — вы знаете, к кому обратиться.

— Непременно, — ответила она. — Особенно если понадобится морозостойкость.

— Двести пятьдесят циклов! — крикнул он ей вслед.

Она вернулась к бару и рухнула на табурет. Голова упала на скрещенные руки. Платье сбилось, волосы растрепались, но ей было всё равно.

— Час, — простионала она, не поднимая головы. — Я слушала про кирпичи. Целый час.

— Час и семь минут, — поправил Андрей, и она услышала в его голосе смех. — Я засекал.

— Ты ставил на меня таймер?!

— Я ставил на тебя коктейли. Два. Один — когда ты начала засыпать, второй — когда начала кивать в такт его словам про клинкер. Ты вообще знаешь, как трогательно ты выглядела? Глаза стеклянные, улыбка приклеенная, а он всё про печи и про печи...

— Андрей!

— Что? — Он опёрся о стойку, и его лицо оказалось близко. Слишком близко. — Ты герой. Ты выдержала час про кирпичи. Я знаю мужиков, которые сбегали через пятнадцать минут.

— Ты специально меня туда отправил.

— Я тебя никуда не отправлял. Ты сама выбрала. Я только предоставил информацию.

— Налей мне ещё, — сказала она. — Что-нибудь покрепче.

— Текила?

— Текила.

— Уже. — Он подвинул к ней рюмку. — Ты заслужила.

Она опрокинула текилу в себя, зажмурилась от обжигающей волны, слизнула соль с запястья и закусила лаймом. И только потом открыла глаза. Андрей смотрел на неё так, как не смотрел никто и никогда — пристально, голодно, словно она была не просто женщиной за барной стойкой, а ответом на вопрос, который он задавал себе всю жизнь.

— Ты знаешь, какая плотность у керамического кирпича?

— Нет, — он изо всех сил пытался сохранить серьёзное лицо.

— А я теперь знаю. Тысяча девятьсот пятьдесят. Я знаю про плотность, про морозостойкость, про водопоглощение и про то, что его кирпич выдерживает двести циклов заморозки. Двести, Андрей. Его кирпич не боится ничего. В отличие от меня. Я сломалась на цикле номер семьдесят четыре.

Он рассмеялся.

Смех у него оказался низким, глубоким, идущим откуда-то из груди. Он запрокинул голову, и его светлые волосы упали на плечи. Смеялся он так, словно давно этого не делал — свободно, без оглядки.

— Ты сказал, я вернусь через пятнадцать минут. Я продержалась час.

— Ты герой.

— Я знаю. — Она взяла его за руку, перехватив за запястье. — Дай мне ещё текилы. И не спорь. Я заслужила.

Он не спорил. Налил. Подвинул тарелку с лаймом и солью. Наблюдал, как Яна слизывает соль с тыльной стороны ладони, опрокидывает рюмку и закусывает лаймом, жмурясь от кисло-горького взрыва на языке.

— Кажется, — сказала она. — В мире закончились нормальные мужчины.

— Ну, спасибо.

— Ты не в счёт. Ты — официант.

— Бармен.

— Ещё хуже. — Она улыбнулась, и улыбка вышла немного пьяной, но очень тёплой. — Ты вне игры. Сам сказал.

— А ты ханжа, Яна? — он наклонился к ней так близко, что она снова почувствовала этот запах — море, цитрус, соль. Его голос упал до шёпота. — Технически, я бармен только до конца смены.

— А когда конец смены?

— Десять минут назад.

Вот так просто.

Она посмотрела на него — на эти синие глаза с искрами смеха, на эту ленивую полуулыбку, на то, как он стоял, опираясь о стойку, расслабленный и одновременно напряжённый, как натянутая тетива. И что-то внутри неё щёлкнуло. То ли текила, то ли этот вечер, то ли пять дней свободы впереди — но она вдруг поняла, что больше не хочет играть ни в какие игры. Точнее, хочет, но совсем в другие.

И тут к бару подошли девушки.

Две. Высокие, загорелые, в платьях, которые стоили дороже, чем вся каюта Яны. Они облокотились о стойку с двух сторон от Андрея и застрекотали — что-то про коктейли, про погоду, про то, какой он красивый и почему работает барменом, а не моделью. Андрей отвечал вежливо, коротко, не поддерживая флирта, но и не отшивая. Его взгляд то и дело возвращался к Яне.

И Яна, вместо того чтобы ревновать, почувствовала прилив вдохновения. Она наклонилась к одной из девушек — той, что была поближе — и шепнула, почти неслышно:

— Видите того мужчину? В углу, с газетой?

Девушка проследила за её взглядом. Кирпичный король как раз перевернул страницу и сделал глоток виски. Часы сверкнули золотом.

— Да. И что?

— Я слышала, — голос Яны превратился в заговорщический шёпот, — у него заводы по всей стране. Состояние с девятью нулями. Недвижимость. Яхта. И он здесь один.

Глаза у девушек загорелись. Буквально. Яне показалось, что она слышит звук зажигания — такой же, как у газовой конфорки: «Вжух».

— Спасибо, подруга, — сказала первая, и они упорхнули.

Через тридцать секунд кирпичный король был окружён вниманием. Ещё через минуту он уже что-то рассказывал — судя по жестам, про кирпичи, — а девушки слушали, хлопая ресницами. Ещё через пять минут они втроём поднялись и направились к выходу. Магнат сиял. Девушки — тоже.

Яна проводила их взглядом и повернулась к Андрею.

— Ты сваха, — сказал он, скрещивая руки на груди. — Профессиональная. У тебя талант.

— Я убрала конкуренток, — она пожала плечами. — И, кажется, сделала того дядьку счастливым.

— Ты опасна.

— Знаю.

— Я серьёзно. — Он обошёл стойку и встал рядом с ней — теперь она могла разглядеть его в полный рост. Высокий. Очень высокий. В его присутствии было что-то почти осязаемое — как давление воздуха перед грозой. — Ты подложила тем девушкам свинью. Не каждая женщина на это способна. Большинство вцепилось бы в кирпичного короля сами.

— Большинство не просидело с ним час, слушая про плот-

ность керамики.

— Справедливо. — Он протянул ей руку. — Пойдём.

— Куда?

— На палубу. Мне нужно подышать. И... — он помедлил, и его голос снова упал до того самого шёпота, от которого у неё почему-то подкашивались колени. — Я хочу забыть, что был твоим подчиненным. Хотя бы на вечер.

Яна посмотрела на его руку — большую, с длинными пальцами и выступающими венами. На его лицо — расслабленное, но с острым, голодным блеском в глазах. И, прежде чем она успела передумать, вложила свою ладонь в его.

— Идём.

Палуба встретила их ветром.

Он ворвался в волосы, в складки платья, в лёгкие — солёный, густой, пахнувший йодом и бесконечностью. Корабль мягко покачивался на волнах, и где-то внизу, в темноте, шипела пена, разбиваясь о борт. Небо было усыпано звёздами — так, как бывает только в открытом море, вдали от городов и огней. Млечный Путь разливался через весь небосвод светящейся рекой, и на его фоне силуэт Андрея казался вырезанным из чёрного бархата.

Они подошли к поручням. Яна обхватила себя руками, чувствуя, как ветер пробирается под платье, и сделала глубокий вдох. На мгновение ей показалось, что она одна во всём мире. Только море, звёзды и этот странный бармен, который встал у неё за спиной.

Он не прикасался. Просто стоял. Но она чувствовала его каждой клеткой — тепло, исходящее от его тела, его запах, его дыхание, которое касалось её затылка. Пространство между ними искрило, как воздух перед молнией.

— Яна, — сказал он тихо.

Она не обернулась. Не смогла. Потому что если бы обернулась, то...

Он положил руки на поручни по обе стороны от неё.

Теперь она была заперта. В клетке из его тела, из его тепла, из этого острого, почти болезненного осознания: не было никакой игры. Не было ни одного другого мужчины. Была она и Андрей, и этот момент, который пульсировал между ними, требуя выхода.

— Ты же знаешь, — прошептал он, и его губы коснулись её уха — едва-едва, легче ветра, — что будет дальше.

Это был не вопрос. И она не ответила.

Потому что в следующую секунду он коснулся губами её шеи — того места под ухом, где кожа была тонкой и чувствительной, где бился пульс. Яна вздрогнула всем телом. Не от холода — от разряда, который прошёл сквозь неё, от затылка до кончиков пальцев.

Его губы были тёплыми. Нежными. Он не спешил — он изучал её, как изучают карту незнакомого берега, сантиметр за сантиметром. Поцелуй за ухом. Под скулой. На изгибе шеи, где плечо переходит в ключицу. Яна чувствовала, как её голова сама откидывается назад, на его плечо, как веки

тяжелеют, а дыхание становится рваным. Её тело реагировало раньше, чем разум успевал включиться.

— Андрей, — выдохнула она.

— М?

Его ладони легли на её плечи и медленно, очень медленно заскользили вниз, по рукам, до локтей, до запястий.

Он развернул её к себе — мягко, но без колебаний. Теперь она стояла лицом к нему, зажатая между поручнем и его телом. Его глаза в свете звёзд казались чёрными. Зрачки расширились, поглотив синеву, и в них отражалось небо.

— Правила игры изменились, — сказал он.

— Какие правила?

— Ты выбрала кавалера. — Он взял её лицо в ладони — большие пальцы легли на скулы, остальные скользнули по коже. — Ты его выбрала в ту секунду, когда подошла к бару.

— Ты сказал, что вне конкурса.

— Я соврал.

И он поцеловал её.

Это не был пробный, осторожный поцелуй — такой, когда сначала касаются губами и смотрят на реакцию. Нет. Он целовал её так, словно ждал этого весь вечер, всю неделю, всю жизнь. Глубоко, жадно, с той же хищной точностью, с какой смешивал коктейли — словно знал, как нужно нажать, где замедлиться, где усилить напор. Его губы были жёсткими и одновременно мягкими, и от них пахло солью и аперолом.

Его язык скользнул по её нижней губе, раздвигая губы, и Яна ахнула, впуская его.

И мир исчез.

Не было больше корабля, не было ветра, не было Млечно-го Пути над головой. Были только его руки — в её волосах, на её талии, притягивающие её так близко, что она чувствовала каждый сантиметр его тела сквозь тонкую ткань платья. Были его губы — требовательные, жаркие, не оставляющие места для сомнений. Был его стон — низкий, вибрирующий, который он выдохнул ей в рот, когда она запустила пальцы в его волосы и сжала их в кулаке.

Это было похоже на взрыв. На падение в ледяную воду. На вспышку — ослепительную и обжигающую.

Она не помнила, как они оказались внутри. Только коридор — тусклый свет, двери кают, мягкий ковёр под босыми ногами. Только его рука, сжимающая её ладонь. Только его дыхание, срывающееся и частое, у её виска.

Дверь. Ключ-карта в его пальцах. Щелчок замка.

Дверь захлопнулась за ними с глухим, окончательным щелчком, отрезав коридор, палубу, весь остальной мир. В каюте было темно — только лунный свет сочился сквозь иллюминатор, расчерчивая пол серебряными полосами, — и тихо, если не считать их дыхания: её — сбитого, рваного, и его — низкого, тяжёлого, как будто он только что пробежал несколько палуб, не останавливаясь.

Андрей не стал включать свет. Вместо этого он прижал её

к стене — и Яна почувствовала, как его ладони легли на её бёдра, сжали, приподняли. Она охнула, прижимаясь к нему инстинктивно, как будто тело знало, что делать, даже когда разум отключился напрочь. Он поймал её губы — всё так же жадно, с той же властной голодной уверенностью, — и она услышала собственный стон, приглушённый его поцелуем, вибрирующий где-то в горле.

— Я думал об этом, — проговорил он, отрываясь от её рта и спускаясь губами по шее, к ключицам, к ложбинке между грудей, которую открывало платье, — с той секунды, как ты села за мою стойку.

— Врёшь, — выдохнула она.

— Поверь.

Его пальцы нащупали молнию на её платье — сбоку, под рукой, — и потянули вниз медленно, слишком медленно. Ткань разошлась с тихим шелестом, и он стянул платье с её плеч, позволяя ему соскользнуть к ногам лужицей шёлка. Теперь на ней оставалось только бельё — простой чёрный комплект, который она выбирала утром, даже не подозревая, что к ночи он окажется под прицелом этих синих глаз.

Андрей отступил на полшага. Всего на полшага — ровно столько, чтобы посмотреть. И она увидела, как что-то тёмное, почти звериное мелькнуло в его взгляде. Его челюсть сжалась. Кадык дёрнулся, когда он сглотнул.

— Ты вообще понимаешь, что ты со мной делаешь? — спросил он.

Голос у него сел — стал ниже, томнее, словно каждое слово приходилось выталкивать сквозь стиснутое горло.

— Понятия не имею, — честно ответила Яна. — Но мне нравится.

Он усмехнулся коротко и в одно движение стянул футболку через голову. Она упала куда-то в темноту, и Яна наконец увидела то, что до этого только угадывалось под тканью. Широкие плечи. Рельефная грудь, переходящая в пресс — не бугрящийся, не как у того качка у бассейна, а сухой, поджарый, как у пловца. Светлые волосы рассыпались по плечам, и в лунном свете он выглядел как пират, сошедший со страниц какого-то опасного романа.

— Иди ко мне, — сказал он.

И она пошла.

Их тела столкнулись посреди каюты — кожа к коже, жар к жару. Её ладони легли на его грудь, чувствуя, как быстро бьётся сердце под рёбрами. Быстрее, чем она ожидала. Он не был спокоен. Он был натянут до предела, как струна, которая вот-вот лопнет, и это понимание отозвалось в ней волной ответного возбуждения.

Он подхватил её на руки и бросился с ней на кровать. Матрас прогнулся под их общим весом, простыни оказались прохладными, хрустящими, пахнущими крахмалом и морем. Андрей навис над ней, опираясь на локти, и провёл носом по её щеке — вдохнул, словно запоминая запах. Его губы нашли мочку её уха, прикусили — не больно, но ощу-

тимо — и Яна судорожно выдохнула.

— Тебе идёт, — прошептал он, — когда ты теряешь контроль.

— Я не теряю.

— Теряешь. — Его пальцы скользнули по её животу, едва касаясь, и она почувствовала, как мышцы сокращаются под его ладонью. — Ты сейчас дрожишь. Вот здесь. — Он погладил ложбинку у неё под рёбрами. — И здесь. — Его рука легла на внутреннюю сторону её бедра. — И дышишь ты так, будто пробежала марафон.

— Андрей...

— Что? — он поднял голову, и их взгляды встретились. В его глазах, тёмных и блестящих, читался немой вопрос. Он всё ещё спрашивал разрешения.

— Если ты сейчас остановишься... — сказала она, хватая его за плечи.

— Я не собираюсь.

Он стянул с неё остатки белья быстрым движением, и его губы прошлись по её телу сверху вниз: ямочка у горла, ключица, грудь (и она всхлипнула, когда его язык обвёл сосок), рёбра, живот, тазовые косточки. Каждое прикосновение было точным, выверенным, как будто он изучил её тело заранее и знал все нежные места.

Когда он скользнул пальцами между её бёдер, она вцепилась в простыню. Когда его губы заменили пальцы, она вы-

крикнула — приглушённо, в сгиб локтя, не в силах выносить эту сладкую пытку молча. Он поднял голову, и в лунном свете она увидела его улыбку — довольную, почти мальчишескую.

— Я же говорил, — произнёс он, возвращаясь к ней, накрывая её тело своим. — Ты теряешь контроль.

И тогда он вошёл в неё.

Мир схлопнулся до размеров этой каюты. До размеров его тела, двигающегося в ней. До частоты его дыхания, горячего и сбитого, у её виска. Он двигался мощно, глубоко, но не грубо — с той самой хищной точностью, которую она заметила в нём с самого начала. Каждый толчок был рассчитан, каждый ритм — настроен на её отклик. Он смотрел на неё — не отрываясь, не моргая, — и в его глазах она видела не только желание. Что-то ещё. Что-то, от чего у неё перехватывало дыхание сильнее, чем от происходящего.

Его светлые волосы прилипли ко лбу. На скулах выступил румянец. Он был красив — невыносимо, невозможно красив — и он был в ней, и всё это было похоже на сон, от которого она не хотела просыпаться.

— Яна, — выдохнул он, и впервые за весь вечер его голос дрогнул.

Собственное имя, произнесённое этим хриплым, срывающимся шёпотом, подействовало на неё как спусковой крючок. Оргазм накрыл её волной — жаркой, всепоглощающей — и она вскрикнула, впиваясь ногтями в его плечи. Андрей

поймал этот крик губами, целуя её глубоко и жадно, и через несколько толчков кончил сам — со стоном, который она проглотила, как самый дорогой глоток.

Они лежали, переплетённые ногами и руками, пытаясь отдышаться. Его сердце колотилось у её груди — быстро-быстро, — и она чувствовала, как его пульс отдаётся в её собственном теле. За иллюминатором всходило солнце, окрашивая воду в бледно-розовый, и первые чайки уже начинали свою перекличку.

— Знаешь, — пробормотала она, всё ещё не открывая глаз, — я, кажется, переоценила свои способности.

— В каком смысле?

— Я думала, что продержусь в этой игре дольше. А сдалась в первый же вечер.

Он тихо рассмеялся и прижал её к себе крепче.

— Это не ты сдалась. Это я мухлевал.

— Как?

— Я знал, что ты выберешь меня, с того самого момента, как ты села за стойку.

— Самоуверенный.

— Просто опытный. — Он поцеловал её в макушку.

Она приподнялась на локте и посмотрела на него — на его расслабленное, умиротворённое лицо, на полузакрытые глаза, на его губы.

— Ты очень странный бармен, Андрей.

Она улыбнулась и уткнулась носом в его плечо. Пахло мо-

рем, солью и — теперь уже — ею.

И это было лучшее, что случилось с ней за очень, очень долгое время.

Глава 2. Территориальные воды

Яна проснулась от запаха кофе.

Не того, что варят в промышленных кофемашинах на завтрак в общей столовой — жидкого, горьковатого, с привкусом пережжённого зерна. А настоящего. Свежесваренного. С нотами шоколада и чего-то орехового. Этот запах пробрался в её сон, вытянул из тёплой темноты и заставил разлепить веки.

Первое, что она увидела — чашка. Белая, с золотым ободком, из которой поднимался пар. Чашка стояла на прикроватной тумбе, а рядом с ней примостилась тарелка с круассанами — двумя, маслянисто-золотистыми, ещё тёплыми, судя по тому, как таяли на них крошечные квадратики масла.

Второе, что она увидела — Андрей.

Он сидел в кресле у иллюминатора, одетый только в свободные шорты, и читал что-то на телефоне. Солнечный свет, пробивавшийся сквозь стекло, золотил его плечи, путался в растрёпанных волосах и очерчивал профиль — острый, скульптурный, такой, за который любой скульптор отдал бы правую руку. Он не заметил, что она проснулась: его брови были чуть сведены, большие пальцы быстро скользили по экрану, и весь он казался удивительно сосредоточенным для человека, который несколько часов назад стонал в её шею и совершенно неприлично обращался с её телом.

Яна смотрела на него молча, стараясь не шевелиться. Ей хотелось запомнить этот кадр: утро, море за стеклом, мужчина, который принёс ей кофе в постель, и тишина, в которой не нужно было срочно что-то решать или куда-то бежать.

А потом Андрей поднял глаза, и тишина закончилась.

— Доброе утро, — сказал он, откладывая телефон. Его голос ещё не до конца проснулся — низкий, хриловатый, обволакивающий. — Ты храпишь.

Яна поперхнулась воздухом.

— Что?!

— Шучу. — Он улыбнулся той самой опасной улыбкой, от которой у неё вчера отказали тормоза. — Ты сопишь. Это мило. И ты разговариваешь во сне.

— Я не...

— Разговариваешь. Где-то в районе шести утра ты сказала: «Нет, кирпич не выдержит». Потом перевернулась на другой бок и добавила: «У него плотность четыре».

Яна застонала и накрыла лицо подушкой.

— Это всё ты, — донёсся её приглушённый голос. — Ты виноват. Ты меня напоил текилой, а потом... всё остальное.

— Всё остальное? — переспросил он с невинным видом. — Напомни, что именно. Я что-то подзабыл.

— Ты самоуверен.

— Ты это уже говорила. Вчера. Несколько раз. — Он приблизился к кровати, опустив одно колено на простынь, и матрас прогнулся под его весом, когда он сел рядом. — Правда,

вчера это звучало иначе. Кажется, там было больше стонов и меньше слов.

Яна схватила подушку и запустила в него. Он поймал — одной рукой, даже не глядя, — и отбросил в сторону.

— У тебя проблема с утренней агрессией, — заметил он.

— У меня проблема с тобой.

— Это не проблема. Это приключение.

Она рассмеялась и уткнулась лицом в одеяло. Одеяло сползло с плеча, и она услышала, как он издал тихий, горловой звук — что-то среднее между смешком и вздохом.

— Ты специально это делаешь? — спросил он.

— Что именно? — она выглянула из-за одеяла.

— Роняешь одеяло. Двигаешь плечом. Смотришь вот так, исподлобья. — Он наклонился ближе, и его голос упал до того самого шёпота, от которого у неё вчера подкосились колени. — Ты вообще в курсе, что у меня смена через сорок минут?

— И?

— И мне надо идти. А я не могу. Потому что ты сидишь в моей постели и роняешь одеяло.

— Оно само упала.

— Конечно. Как и твоё платье вчера. Как и моя футболка. Всё само. У нас тут курорт для вещей-самоубийц.

Яна рассмеялась и, потянувшись, взяла с тумбочки чашку кофе. Кофе был ещё горячим — Андрей, видимо, сварил

его прямо перед её пробуждением. Она сделала глоток, чувствуя, как горечь разливается по языку, и прикрыла глаза от удовольствия.

— Попробуй круассаны. Они восхитительны.

— Откуда круассаны? — спросила она. — На корабле вроде нет французской пекарни.

— Есть. В VIP-зоне. Я договорился.

— Договорился? С кем? С круассанной мафией?

— С шеф-поваром. Его зовут Паскаль, он из Лиона, и он питает слабость к моим коктейлям. — Андрей взял круассан и откусил. — Мы с ним меняемся: я ему «Негрони», он мне выпечку.

— Ты построил бартерную империю на корабле. Уважаю. Ладно, — сказала она, опуская чашку. — Иди на смену. Мне всё равно надо в душ. И переодеться.

— В душ — это святое, — кивнул он. — Но есть одна проблема.

— Какая?

— Я тоже хочу в душ.

— Ты уже был в душе. У тебя волосы мокрые.

— Это был предварительный душ. Разведывательный. — Он подался вперёд, и его рука легла на её обнажённое колено. Прикосновение было тёплым и уверенным, и от него по коже побежали мурашки. — А теперь я хочу полноценный. С тобой.

— Андрей...

— Что? — его большой палец выписывал медленные круги на её коже. — Ты скажешь «нет»?

Она должна была сказать «нет». Должна была напомнить ему про смену, про сорок минут, про то, что ей действительно нужно привести себя в порядок. Но его глаза смотрели на неё с таким откровенным, голодным ожиданием, а его рука уже скользила выше, к бедру, и слова застряли у неё в горле.

— У тебя сорок минут, — выдохнула она.

— Тридцать пять, — поправил он, вставая и протягивая ей ладонь. — Идём.

Душ они приняли. Технически.

Технически — потому что большую часть времени они не мылись, а целовались под струями горячей воды, прижавшись друг к другу так, что между телами не оставалось ни миллиметра. Ладони Андрея скользили по её мокрой коже, оставляя за собой дорожки пены и мурашек. Его губы находили самые чувствительные места — ямочку за ухом, впадинку у ключицы, изгиб плеча, — и задерживались там, пока Яна не начинала дрожать.

— Ты дрожишь, — прошептал он ей в шею.

— Вода прохладная.

— Вода теплая, — он развернул её спиной к себе и прижал к стеклянной стенке душевой. Его рука легла ей на живот, вторая — на бедро. Губами он отодвинул мокрые волосы с её затылка и поцеловал позвонок — один, второй, третий. — Я хочу запомнить, как ты реагируешь. Вот здесь. — Поцелуй.

— И здесь. — Ещё один. — И особенно здесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.